

Научная статья

УДК 82-65

DOI: 10.18384/2949-5008-2025-2-105-116

ПОЭТИЧЕСКАЯ КОСМОЛОГИЯ Г. Р. ДЕРЖАВИНА

Поташова К. А.

Государственный университет просвещения, г. Москва, Российская Федерация

e-mail: kseniaslovo@yandex.ru

Поступила в редакцию 24.01.2025

Принята к публикации 07.02.2025

Аннотация

Цель. Выявление своеобразия поэтической космологии Державина, во всём многообразии представленной в философских одах поэта.

Процедура и методы. Объектом исследования являются принципы создания космического пространства в философской поэзии Державина. Посредством анализа смысловой наполненности образа ночи, луны и звёзд в таких произведениях Державина, как «Бог», «Успокоенное неведение», «Потопление», «Волхов Кубре», «Фонарь», даётся целостное понимание мирообраза поэта. Методология работы связана с использованием культурно-исторического, биографического, эстетического методов и подходов, позволяющих рассмотреть образ мироздания в контексте сложившегося круга тем и настроений рубежа XVIII–XIX вв. с точки зрения имманентных этому временному срезу позиций.

Результаты. В статье конкретизировано значение художественной системы Державина в образном представлении мироздания в русской словесности рубежа XVIII–XIX вв. Суть поэтической космологии Державина кроется в стремлении через измерение мироздания всеохватным духовным зрением постичь христианские истины о Божьем величестве, обрести зримое доказательство торжества мира в природе. Посредством созерцания грандиозных картин космоса Державин определил новый путь изображения мироздания через эмоционально-ассоциативный ряд, позволяющий рассматривать его философскую поэзию в единстве с художественными основами русского романтизма. Ночь в философских одах представлена как эфемерная граница, скрывающая суетность земной жизни и открывающая сферически устроенное небо с небесными светилами как символическим воплощением идеального мира, поднятого над повседневностью. Понимая под космосом созданную из хаоса бездну, Державин относится к созерцанию каждой детали этого пространства как к интуитивной возможности постижения Бога, находя ложность тех научных прорывов, которыми человек стремится уподобить себя Творцу, тем самым разрушая основы мироздания.

Теоретическая и/или практическая значимость. Теоретическая значимость исследования связана с выявлением новаторства поэтической космологии Державина по отношению к предшествующей физико-теологической поэзии, заключающегося в расширении изображения космического пространства за счёт использования крупного и сверхкрупного планов, цветовой световой образности, уточнения эмоционально-ассоциативного комплекса для представления космоса.

Ключевые слова: Г. Р. Державин, механизмы визуализации, мировидение, небесные светила, онтология, поэтическая космология

Благодарности и источники финансирования: исследование выполнено в рамках гранта Российского научного фонда, проект № 23-78-01016, «Космические образы в русской поэзии конца XVIII – первой трети XIX века: онтология и поэтика».

Для цитирования:

Поташова К. А. Поэтическая космология Г. Р. Державина // Отечественная филология. 2025. № 2. С. 105–116. <https://doi.org/10.18384/2949-5008-2025-2-105-116>

Original research article

POETIC COSMOLOGY OF G. R. DERZHAVIN**K. Potashova**

Federal State University of Education, Moscow, Russian Federation

e-mail: kseñaslovo@yandex.ru

Received by the editorial office 24.01.2025

Accepted for publication 07.02.2025

Abstract

Aim. To identify the uniqueness of Derzhavin's poetic cosmology, which is represented in all its diversity in the poet's philosophical odes.

Methodology. The object of the research is the principles of creating outer space in Derzhavin's philosophical poetry. Through the analysis of the semantic content of the image of the night, moon and stars in such Derzhavin's works as "God", "Calmed Disbelief", "Drowning", "Volkhov Kubre", "Lantern", a holistic understanding of the poet's worldview is provided. The methodology of the work is based on the use of cultural, historical, biographical, aesthetic methods and approaches that allow us to consider the image of the universe in the context of the established range of themes and moods of the turn of the 18th – 19th century from the viewpoint of positions immanent to this period.

Results. The article specifies the significance of Derzhavin's artistic system in the figurative representation of the universe in Russian literature at the turn of the 18th – 19th century. The essence of Derzhavin's poetic cosmology lies in the desire to comprehend Christian truths about God's Majesty through the measurement of the universe with an all-encompassing spiritual vision, to find visible proof of the triumph of peace in nature. Through contemplation of grandiose paintings of the cosmos, Derzhavin defined a new way of depicting the universe through an emotional-associative series, which allowed him to consider his philosophical poetry in unity with the artistic foundations of Russian Romanticism. In philosophical odes, night is presented as an ephemeral boundary that hides the vanity of earthly life and reveals a spherically arranged sky with heavenly bodies as a symbolic embodiment of an ideal world raised above everyday life. Understanding the abyss created from chaos by the cosmos, Derzhavin treats contemplation of every detail of this space as an intuitive possibility of comprehending God, finding the falsity of those scientific breakthroughs that man seeks to liken himself to the Creator, thereby destroying the foundations of the universe.

Research implications. The theoretical significance of the study is related to the identification of the innovation of Derzhavin's poetic cosmology in relation to previous physico-theological poetry, which consists in expanding the image of outer space through the use of large and super-large plans, color and light imagery, and clarifying the emotional-associative complex for representing the cosmos.

Keywords: G. R. Derzhavin, poetic cosmology, heavenly bodies, worldview, ontology, visualization mechanisms

Acknowledgements: the research was carried out within the framework of a grant from the Russian Science Foundation, project No. 23-78-01016, "Cosmic images in Russian poetry at the end of the XVIII – first third of the XIX century: ontology and poetics".

For citation:

Potashova K. A. (2025). Poetic Cosmology of G. R. Derzhavin. In: *Russian Studies in Philology*, 2, pp. 105–116. <https://doi.org/10.18384/2949-5008-2025-2-105-116>

Введение

Оформившаяся в философской поэзии Г. Р. Державина дихотомия «человек – космос» оказывается важной для его поэтических размышлений о месте и роли человека в окружающем мире, однако в научных исследованиях эта сторона его философских од, созвучных «романтизму на ранних стадиях его развития» [1, с. 54], в полной мере не раскрыта. В то же время К. Н. Батюшков, младший современник поэта, тонко почувствовал глубину его творчества, сформулировав поэтические константы философских од Державина, слагающие картины мироздания: «Тишина, безмолвие ночи, сильное устремление мыслей, поражённое воображение».¹ Уже фактический эпизод из детства Державина, увидевшего на ночном небе комету Галлею – «большую комету с хвостом о шести лучах»² – и произнёсшего, глядя на неё, своё первое слово, слово «Бог», предопределил и интерес поэта к Вселенной, и основания для понимания им космического пространства.

Обращение к поэтической космологии Державина зачастую сводилось к рассмотрению особенностей изображения небесных светил. Традиционно сложилось представление о доминировании солнечной символики в поэзии Державина, что естественно в связи с принадлежностью его творчества преимущественно к классицизму с характерным для него представлением солнца как воплощения абсолютной красоты, освещающей своими лучами бренный мир. Сравнение с солнцем утвердилось у Державина как формула одической комплиментарности («как солнце твоя красота»³, «как солнце в малой капле вод»⁴), образность для которой была взята из «самой природы» [2, с. 60], образ солнца скорее «сопряжён с личностью императоров» [3, с. 57], включён в контекст

описаний «геополитических планов императрицы Екатерины II» [4, с. 93]. При безусловной значимости солнечной символики не менее важными для поэтической картины мира Державина оказываются и ночные светила. Поэта, погружённого в поиски жизненной опоры и живого духовного общения, привлекает ночь, связанная с Божественным откровением, философскими проблемами быстротечного и вечного, путями «познания хода времени» [1, с. 4]. Отдельные суждения о специфике ночных картин Державина можно встретить лишь в немногих исследованиях, связанных с эмблематизмом и символизмом его художественной системы. Так, Е. Я. Данько отмечает символический характер «рогатой луны» (месяца) в поэзии Державина, утверждая, что для него «художник отказывается от языка эмблем и даёт романтический рисунок» [5, с. 178], принадлежность луны к женским образам выявляет А. А. Левицкий, связавший лунный пейзаж Державина выражением «влюблённого порыва и вдохновения» [3, с. 57], В. Л. Коровин наметил ассоциативный ряд между образами солнца, луны, звезды и «апокалипсическим образным строем» [6, с. 41], С. В. Власов связал обращение Державина к «мирам отдалённым» [7, с. 69] с поэтической рецепцией «Ночных размышлений» Э. Юнга.

Целью настоящей статьи явилось выявление своеобразия поэтической космологии Державина, во всём многообразии представленной в философских одах поэта. В соответствии с поставленной целью в статье решается ряд задач, направленных на реконструкцию понимания Державиным устройства Вселенной и её поэтического постижения: рассмотреть эстетику и онтологию образа вселенной в художественном мире поэта, определить символическую наполненность небесного пространства, выявить функции световых деталей в поэтических картинах мироздания.

¹ Батюшков К. Н. Письмо Гнедичу Н. И., 1 ноября 1809 г. [Деревня] // Батюшков К. Н. Сочинения. М.: Л.: Academia, 1934. С. 391.

² Ходасевич В. Ф. Державин. М.: Книга, 1988. С. 40.

³ Державин Г. Р. Стихотворения. Л.: Советский писатель, 1957. С. 360.

⁴ Там же. С. 155.

Созерцание ночного пейзажа как путь постижения устройства мироздания: лирическая гносеология Державина

Ночь для художественного мира Державина не менее значима, чем дневной пейзаж, представленный «в величестве, в сиянии Бога»¹, в «блаженстве» и многоцветии во многих его стихотворениях. При этом ночь Державину необходима как время рождения художественных ассоциаций о жизни и смерти, связи человека с мирозданием, утверждением совершенства природы. Процесс созерцания ночи, открывающей тайны устройства мироздания, формируется у Державина под очевидным влиянием творений святителя Тихона Задонского – «Об истинном христианстве», «Сокровище духовное, от мира собираемое», «Наставление христианское» – системно раскрывающих основы христианского мироздания. Эти сочинения, изданные в 1780-е гг. в Санкт-Петербурге, не могли не быть известны Державину, тем более что первое жизнеописание богослова и подвижника второй половины XVIII в., бывшего в 1760-е гг. викарием Новгородской епархии и настоятелем Хутынского монастыря, составил епископ Евгений Болховитинов, постоянный собеседник и духовный наставник поэта.

Одной из центральных идей святителя Тихона Задонского явилось утверждение Богом данной красоты и гармонии мироздания, явившихся движущей силой для происходящих на земле и в небе закономерных процессов, пленяющих умы человечества. Основанием «дивиться» созданным миром и всемогуществом Божиим свт. Тихон называет всё пространство мироздания от травы на земле до звёзд на небе: «Смотришь на небо, такое чудное, высокое и обширное, различными звёздами украшенное; на солнце и луну, сияющие и всю поднебесную освещающие; на облака, в воздухе туда и сюда переходящие, и, как мехи, дождь источающие и напавающие нивы наши. Представляет тебе чувство

и разум землю со всем, что наполняет её, с деревьями, травами, скотами, зверями, морями, озёрами, реками, источниками и прочим украшением».² В этих словах свт. Тихона Задонского важны два аспекта, подхваченные Державиным: восхищённая любовь к природе и желание приобщиться через пространственную всеохватность природы к Богу. Пространственным путём движется логика постижения сущего и у Державина, в величии ночного пейзажа поэт видит красоту Божьего мира, подчёркнутую в каждом её частном проявлении. Возвышенная любовь поэта к природе обуславливает появление в его ночных пейзажах медитативно-философского начала, выраженного в буквальном вчувствовании в состояние воздуха, наблюдениях за игрой света, передачей гармонии тишины. Подобного рода медитативная миниатюра открывает державинское «Видение Мурзы» (1783). Ночное время впервые в русской поэзии здесь обретает гармонию в дивном сиянии и праздничном расцветивании, в сравнении с классицистической патетикой ночь у Державина предельно смягчена и настраивает на задумчивость, что в дальнейшем найдёт развитие в ночных пейзажах Жуковского, Тютчева, Гоголя, также представляющих ночь «в сфере эстетики возвышенного» [8, с. 257], хотя колористика небесных светил здесь ещё не противопоставлена классицистическому золоту:

На тёмно-голубом эфире
Златая плавала луна;
В серебряной своей порфире
Блещаючи с высот, она
Сквозь окна дом мой освещала
И палевым своим лучом
Златые стёкла рисовала
На лаковом полу моём.³

В поэтическом мире Державина ночь явлена как время наибольшего единения с космическим пространством, обретения

¹ Державин Г. Р. Стихотворения. Л.: Советский писатель, 1957. С. 135.

² Собрание сочинений святителя Тихона Задонского: в 5 т. Т. 3. М.: Профиздат, 2003. С. 170.

³ Державин Г. Р. Стихотворения. Л.: Советский писатель, 1957. С. 109.

возможности для постижения пространственной громады, скрытой от дневного зрения. Такое понимание нашло своё образное воплощение в целом ряде символических ассоциаций, основывающихся на связи ночи с естественным течением человеческой жизни, отношением к этому времени как к замедлению дневного бодрствования. Ночи сопутствует видение прекрасных снов на фоне гармоничного состояния мироздания: *Ты спишь, – и сон тебе мечтает, / Что ввек благополучен ты, / Что само небо – рассыпает / Блаженства вокруг тебя цветы.*¹ Ночью открываются чудесные явления из духовного мира, связанные с обретением поэтического вдохновения, приобщением к идеалу, «возвышающему над действительностью» [9]: *Сиянье вокруг меня небесно; / Сокрылась, поблдев, луна. / Виденье я узрел чудесно: / Сошла со облаков жена.*² У Державина оказывается устойчивой ассоциация ночи с прекращением земного бытия и переходом в иное пространство Вселенной: *Ночь темна затмевает; / Луну скрывает облак, тень ... Но знай: ты прах одушевлённый / И скроешься землёй.*³ Будучи лишённой звука и цвета, ночь первично ассоциируется с гнетущим и тяжёлым временем, таящим или даже разрушающим привычный бытовой уклад, оттого она представлена буквально обволакивающей воздушной сферой: *Тишина и чёрна ночь / Скутали мой дом.*⁴ При этом ассоциация наступления ночи с присущим ей сокрытием намного глубже балладной эстетики ужасного, связующей ночь с опасностью, трагедией, мистицизмом, хотя и такое изображение ночи не чуждо Державину, как, например, в стихотворении «Цыганская пляска», показывающим ночь как время разгула первозданного естества, языческой магии: *При блеске бледных лун, / Топоча по доскам гробовым, / Буди сон мёртвой тишины / Жги души, огонь бросай в сердца.*⁵

¹ Державин Г. Р. Стихотворения. Л.: Советский писатель, 1957. С. 215.

² Там же. С. 110.

³ Там же. С. 177.

⁴ Державин Г. Р. Стихотворения. Л.: Советский писатель, 1957. С. 480.

⁵ Там же. С. 306.

И всё же ночь, прежде всего, мыслится Державиным как освобождение человека от земной суетности, она скрывает мирское (*преlestи сокрылись мира*⁶), понимается как время наибольшей духовной концентрации и предстояния человека вечности, открытия всего мироздания. Оттого наступление смерти Державин не только передаёт именно через образ наступающей ночи, что утвердилось в поэзии рубежа XVIII–XIX вв. в связи с пониманием «всемогушества власти Смерти как Закона Бытия Космоса» [10, с. 41], но и дополняет романтически медитативным пейзажем. Державин любит небесными светилами, чем лишает картину наступления смерти исконно трагической тональности: *«Как солнце ... / По небу, по водам блистает / Румяною зарей в ночи, – Так с тихим вздохом, взором ясным / Она оставила сей свет.*⁷ При том, что повторяющиеся световые образы неба первично противопоставлены свету как земному бытию, в то же время они вносят в сцену принятия смерти просветление, своеобразную красоту, сродственную христианскому благолепию. Художественная ассоциация наступления ночи с приходом смерти у Державина дополняется и представлением о сферическом устройстве неба, связанном с попаданием праведной души в верхнее из семи небес, и образом упавшей звезды, символически выражающим конец жизненного пути: *Ночь лишь седьмую / Мрачного трона / Степень прешла, / С роска Сиона / Звезду золотую / Смерть сорвала.*⁸ Неразрывный союз ночи и смерти оказывается у Державина воплощением величественного покоя, сопутствующего встрече души с Богом.

Связь души человека с ночью как символическим воплощением мироздания обнаруживается и в значимой для поэзии Державина цепочке образов *душа – лунная / безлунная ночь – челнок*, объединяющей небесное и водное пространство. Движущийся поток реки и плывущий по ней корабельщик – это жизненный путь

⁶ Там же. С. 480.

⁷ Там же. С. 119.

⁸ Там же. С. 218.

человека, звёзды и луна – ориентиры на этом пути, небо – божественное покровительство, безлунное и беззвёздное небо не сулит корабельщику счастья, связывается с предстоящей бедой, а то и окончанием жизненного пути: *Коль скоро ни луны, ни звёзд / За тучами не зрит, и вскоре / Ждёт корабельщик бед от бурь*.¹ Образ плывущего корабельщика находит и дальнейшее ассоциативное развитие в стихотворении «Потопление» (1796), в котором Державин дополняет эту образно-символическую цепочку размышлениями о быстротечности жизни. Примечательно достигнутое Державиным в этой зарисовке пространственное смещение: путник у него будто оказывается между двумя небесами – действительным ночным небом и небом иллюзорным, отражающимся в воде, «оба» неба освещены одним отражающимся светилом, и только из дальнейшего контекста становится понятно, по какому же пространству движется человеческая жизнь, символически представленная как челнок с путником:

Из-за облак месяц, красный
Встал и смотрится в реке,
Сквозь туман и мрак ужасный
Путник едет в челноке.
Блеск луны пред ним сверкает,
Он гребёт сквозь волн и тьму.²

Под иллюзорным небом Державин понимает жизнь земную, хотя и ассоциирующуюся с праздником (*Мысль веселье вображает, / Берег видится ему*³), но быстротечную в присущих ей наслаждениях (*Камнем вниз пошёл ко дну*⁴). Зыбкой границей между «двумя» небесами Державин выражает идею «двойного» бытия человека, подчёркивает его временное нахождение в призрачном земном пространстве (*Се вид жизни скоротечной!*⁵), необходимость памятования и размышлений о грядущей

вечности (*Все потонем в бездне вечной*⁶). Дальнейшее развитие этот образный синтез плывущей жизни по воде и небу обнаруживается в стихотворении «Волхов Кубре» (1804), где детальный пейзаж реки и луны рождает у Державина череду размышлений о памяти как форме бессмертия (*И сколько под луной умерших / Он духом зрит своих друзей!*⁷), воплощённых в образах парусников и звёзд. Как и прежде, «парусы пробегшие» и «ладьи» – человеческие жизни, обрётшие бессмертие и ставшие небесными светилами (*Прекрасный человек, любезной, / Луч бедных – блещет между звёзд*⁸). В этом отношении поэтические эмоции Державина, понимающего звезду как «знак связи земли и неба» [11, с. 76] оказываются близки Жуковскому, воспевшему лунное и звёздное небо как видимое выражение связи живых с душами умерших друзей.

Пространственная модель мироздания в поэтической космологии Державина

Державинской ночи, скрывающей всё мирское, сопутствует аллегорический образ покрыва (*покровенный ночью*⁹), но если в контексте романтических ночных элегий более привычным является покров как символическая завеса мира горного, условно верхнего пространства Вселенной (как, например, у Жуковского, у которого этот образ приобретает буквально осязаемое выражение: *Нам туда сквозь покрывало / Он даёт взглянуть порой*¹⁰), то у Державина таковым покровом уже является сама ночь, представленная как особого рода воздушное пространство, своей темнотой застилающее пленительность и заурядность мирской жизни и обнажающее вечное. Ночное состояние освобождения от повседневной суетности и обострения эмоциональных переживаний даёт возможность приобщиться к космической гран-

¹ Державин Г. Р. Стихотворения. Л.: Советский писатель, 1957. С. 248.

² Там же. С. 239.

³ Там же. С. 240.

⁴ Там же.

⁵ Там же.

⁶ Там же.

⁷ Там же. С. 305.

⁸ Там же.

⁹ Там же. С. 94.

¹⁰ Жуковский В. А. Полное собрание сочинений и писем: в 20 т. Т. 2. М.: Языки русской культуры, 2000. С. 223.

диозности – ночь открывает пространство бездны, которое определяется Державиным как первозданный мир. И в этой связи интересно пространственное измерение мироздания у Державина – им различаются хаос, вечность, бездна (*Хаоса бытность довременна / Из бездн ты вечности воззвал¹*) и Вселенная. Под хаосом поэт понимает то, что предшествовало сотворению Богом мироздания, словесно выраженное ничто, под вечностью – Божье всемогущество, из которого создано мироздание (читаем у свт. Василия Великого: *Бог создал мир не из ничего в буквальном смысле слова, но из Своего Всемогущества²*), бездна – это первозданный мир. В определении Вселенной у Державина наблюдаются инварианты – поэт может отождествлять вселенную и бездну (*Чтобы вселенна принимала / Глас Божий, глас природы в них³*), в отдельных случаях понимать под ней только пространство Земли (*Там был вселенной покоритель⁴, Где есть народ в краях вселенны⁵*).

Ассоциация ночи с бездной, впоследствии развитая в творчестве Жуковского и Тютчева, у Державина оказывается наиболее важной в связи с возможностью её зримого представления. Бездна воспринимается поэтом не как метафизическая пустота, но как грандиозное и величественное пространство, движение световых потоков в котором есть проявление Божественного присутствия. Художественная многогранность образа бездны достигается посредством её расцветивания (*по бездне голубой⁶*), оплотнения (*в бездне эфира⁷*), акцентирования её надвременности (*в бездне вечной⁸*) и пространственной необъятности

(*в неизмерны бездны⁹*). Пытаясь постигнуть непостижимую бездну человеческим глазом, Державин наполняет её различными небесными светилами, стремится представить уровневое устройство небесной тверди. Наиболее частотными у поэта оказываются звёзды, через изображение которых становится доступным человеческому глазу и небесный свод (*тмишь свод звёздный¹⁰, звёздный холм¹¹, досягшей тверди звёздной¹²*), и метафизическое пространство, по которому летит душа и обретает бессмертие (*Летит сквозь мириады звёздны / Блаженная твоя душа¹³, средь звёзд не превращусь я в прах¹⁴*). Глядя на звёзды, поэт задаётся вопросом о преобразении хаоса в мироздание: *Стихийев засыпает сила, / Блеск в хаосе возник звезды?¹⁵* Интересуясь астрономией, Державин воспевает и «огнистый Сириус», самую яркую звезду ночного неба (*Огнистый Сириус сверкающие стрелы / Метал её с небес в подлунные пределы¹⁶*), и созвездие Большой Медведицы (*Под Медведицей небесной, / Средь ночных темноты¹⁷*). Наблюдение за небесными светилами отнюдь не сводится к эстетическому любованию природой, но подчинено идее богопознания через эмпирическое и рациональное постижение философии природы, что не раз им утверждается в поэзии:

Ты есь! – Природы чин вещает,
Гласит моё мне сердце то,
Меня мой разум уверяет.¹⁸

Важным для постижения этой первозданной бездны оказывается духовное зрение, возможность которого во много раз превосходит зрение физическое своей достижимостью разом увидеть сотворённое Богом пространство в его всеохватности. В

¹ Державин Г. Р. Стихотворения. Л.: Советский писатель, 1957. С. 114.

² Вениамин (Пушкар), митр. Священная Библийская история Ветхого Завета [Электронный ресурс]. URL: https://azbyka.ru/otechnik/Veniamin_Pushkar/svjashennaja-biblejskaja-istorija-vethogo-zaveta/2 (дата обращения: 21.01.2025).

³ Державин Г. Р. Стихотворения. Л.: Советский писатель, 1957. С. 135.

⁴ Там же. С. 160.

⁵ Там же. С. 162.

⁶ Там же. С. 309.

⁷ Там же. С. 209.

⁸ Там же. С. 240.

⁹ Там же. С. 253.

¹⁰ Там же. С. 156.

¹¹ Там же. С. 266.

¹² Там же. С. 316.

¹³ Там же. С. 253.

¹⁴ Там же. С. 304.

¹⁵ Там же. С. 312.

¹⁶ Там же. С. 448.

¹⁷ Там же. С. 259.

¹⁸ Там же. С. 115.

этом отношении наиболее показательной является ода «Бог» (1784), одно из наиболее сложных произведений для истолкования, поставившее по верному замечанию И. А. Есаулова «вечную» проблему соотношения “Ты” (Бога) и “я”» [12, с. 58]. Митрополит Феодосий (С. И. Васнев) указывал, что поэт в этих размышлениях сопрягает «величие бесконечного и непостижимого Бога с существованием человека» [13, с. 381]. Принимая это положение, можно высказать уточнение, что ода «Бог» представляет собой размышления поэта о христианском чуде, под которым поэт мыслит три наиболее сложных для рационального объяснения феномена – мироздание (*А вечность, прежде век рожденну, / В себе самом ты основал¹*), свет (*Светил возжжённых миллионы / В неизмеримости текут²*) и человека (*Частица целой я вселенной³*). В такой последовательности они представлены в оде и могут быть истолкованы как вольная, созданная в поэтической форме интерпретация первых стихов Евангелия от Иоанна, отсылки к которым у Державина есть и в передаче пространства Вселенной, и в акценте на возвещающее слово: *Создавший всё единым словом.*⁴

В оде «Бог» поэт утверждает, что мироздание – пространственная вертикаль от неба со светящимися искрами солнца до земли с её «пылинками инея»⁵, гармоническая система, созданная Богом, и вступает в диалог с материалистами о безначальности и бесконечности галактики. Стоит отметить, что в конце XVIII в. пользовалась популярностью повлиявшая на атеизм Наполеона Бонапарта космогоническая гипотеза П.-С. Лапласа о появлении Вселенной из пылевого облака или горячего газа, опровергающая божественное происхождение галактики. Державин не опровергает необходимости наблюдений над различными законами, движущими Вселенную, даже перечисляет в

своей философской оде различные закономерности суточного цикла, световых явлений, но всё же говорит о невозможности её рационального постижения (*Измерить океан глубокий, / Сочесть пески, лучи планет / Хотя и мог бы ум высокий, – / Тебе числа и меры нет*⁶) и утверждает истинность того, что единственным Законодателем является Бог (*Твои они творят законы, / Лучи животворящи льют⁷*).

Последовательно называя по сути своей диковинные элементы, слагающие мироздание, среди которых солнце, планеты, звёзды, воздух, вода и, наконец, человек, Державин подчёркивает одновременную сложность и упорядоченность его строения, посредством наблюдения за которыми поэт перелагает образную форму христианскую аксиому о сотворении Богом Вселенной из хаоса: её нельзя постигнуть человеческим умом, но ей можно восхищаться как чудом и благодаря ей можно иметь общение с Богом.

Проблема подмены божественного мира виртуальной реальностью: державинская рефлексия феномена оптической иллюзии

Одним из примечательных произведений, представляющих рефлексию невозможности вторжения человека в устройство мироздания, является стихотворение «Фонарь» (1804), посвящённое оптической машине для воспроизведения гравюр. В центре стихотворения осмысляются те же категории, что и в оде «Бог», – мироздание, свет и человек, но при этом они оказываются иллюзорными, разрушающими гармонию. Державин последовательно представляет восемь диковинных по своему художественному исполнению и одновременно устрашающих своей сутью изображений, среди которых поэт особенно выделяет астрономическую картину. Именно зарисовки Вселенной обрамляют череду проецируемых сюжетов, становясь предметом философских размышлений по-

¹ Державин Г. Р. Стихотворения. Л.: Советский писатель, 1957. С. 114.

² Там же.

³ Там же.

⁴ Там же. С. 114.

⁵ Там же.

⁶ Там же.

⁷ Там же.

эта, а также служат своего рода кульминацией в перечислении самих изображений. Центральной проекцией волшебного фонаря выступает картина, представляющая наступление ночи и сопутствующее этому времени суток движение на небе космических тел. Именно это изображение самое расцветное в стихотворении, самое масштабное по развернувшемуся пространству, в полной мере соответствующее характерному для сознания эпохи Просвещения восприятия ночного неба как зрелища чудес Божьих. Описание каждого небесного тела снабжено типичными для Державина цветосветовыми определениями, подчёркивающими зрелищность проекции и придающими ей торжественность: *Огнисты, лёгки метеоры / Слетают блестящим клубком / От мест / Превысренных*.¹ Производимые светилами движения переданы в точных качественных характеристиках, как, например, образование метеорного потока из роя метеоритных тел и приобретение им в результате особенной светоносности.

Отношение Державина к оптическому прибору не однозначно. При первичном взгляде может показаться, что поэт дивится техническому аппарату, делающему доступным то, что невозможно увидеть естественным зрением, как например, приблизить к человеческому глазу луну: *Очаровательный огонь чудный / Малюет на стене луну*.² Стоит отметить, что появление здесь именно луны не случайно, она воспринималась на рубеже XVIII–XIX вв. не только как «тело ..., повергавшее на землю больше света», но и как видимое глазу и оттого вызывающее вопрос загадочное светило, о чём пишет протоиерей Иоанн (Харламов): «Бог оставил ли великую поверхность сего тела пустою и ненаселённою».³ На рубеж столетий приходится активное наблюдение за луной в телескоп: «Но что мы простыми глазами приметить можем в луне, то не столь-

ко важно, как что с помощью зрительных труб открыто».⁴ Для Державина оптическое приближение луны выходит за границы обыденного, доступность её глазу воспринимается как нечто невероятное и оттого уподобляется чуду, которое творит волшебник: *Волшебник мудрый, чудотворный, / Жезла движеньем, уст, очес, / То их творит, то истребляет*.⁵

В то же время действие волшебного фонаря воспринимается поэтом и как противоестественное явление. Оптический механизм не рисует луну, а «малюет на стене». Очевидно, Державин здесь пытается подобрать точную номинацию для передачи технического процесса проецирования изображения как нового на тот момент явления. И словесная передача сути этого процесса, заключённого в организации пучков света, поэту удаётся (*Очаровательный огонь чудный*)⁶, но само качество исполнения этого изображения поэт ставит под сомнение, оно намалёвано – будто «писано грубо».⁷ Аналогичная театральность наблюдается и при описании основных проекций. Неестественность изображения посредством технического прибора обуславливает неожиданный финал каждого описания, трагичность которого усиливается от картины к картине. Красочное описание галактики сменяется действием метеоров, их способность к движению традиционно ассоциировалась с «предвестниками близ наступающего Суда».⁸ Движущийся метеорный поток нарушает земную гармонию и порождает неведанные ранее разрушения: *Как искры, веселят огнём: / Одна на дом тут упадет, / Раздута ветром, зажигает, / И в пламя город весь!*⁹

⁴ Там же. С. 181.

⁵ Державин Г. Р. Стихотворения. Л.: Советский писатель, 1957. С. 294.

⁶ Там же. С. 294.

⁷ Малевать // Даль В. И. Словарь живого великорусского языка: в 4 т. Т. 2. М.: Русский язык, 1998. С. 292.

⁸ Размышления о делах божиих в царстве природы и провидения на каждый день года: издание периодическое. Ч. 1. М.: В тип. Компании типографической, 1787. С. 318.

⁹ Державин Г. Р. Стихотворения. Л.: Советский писатель, 1957. С. 295.

¹ Державин Г. Р. Стихотворения. Л.: Советский писатель, 1957. С. 294.

² Там же. С. 294.

³ Размышления о делах божиих в царстве природы и провидения на каждый день года: издание периодическое. Ч. 1. М.: В тип. Компании типографической, 1787. С. 183.

Сцена, завершающая эту картину, сродни изображению конца света. Прежде лёгкие метеоры становятся теперь апокалиптическими образами – это падающие небесные светила, являющиеся для Земли источником опасности, несущим огненную лаву, и разрушающие всю её поверхность: *Столбом дым, жупел в воздух вьётся, / Пожар, как рдьяны волны, льётся.*¹ Именно астрономическая картина получает в стихотворении символическую наполненность, коррелирующую с ведущей для творчества Державина антиномией мира рукотворного и сотворённого Богом: *Всех звёзд, всех лун, всех солнцев вид / Непостижимый сей Творец / Да будет мой покров, Отец!*²

Видимую посредством оптического прибора картину поэт воспринимает как фантазмагорию, притом не только в первичном её значении, связанном с показом оптических представлений из причудливых видений, но и как хаотичное состояние самой Вселенной, если вершителем в ней оказывается сила, заменяющая христианскую истину. Эта же идея ещё более объёмно звучит и в обобщающих размышлениях, следующих за описанием увиденных картин. Здесь отчётливо наблюдается трансформация героя, управляющего волшебным фонарём. Если сначала по отношению к нему поэт использует сказочное именование «волшебник» и наделяет его такими же сказочными качествами (*Волшебник мудрый, чудотворный*³), то к концу стихотворения заменяет эту номинацию на чуждые христианским ценностям контекстуально синонимичные слова «маг» и «волхв», которыми именуются носители ложного знания (*Иль маг какой, волхв непостижимый*⁴). Аналогично трансформируется и сам волшебный фонарь, наделённый теперь дополняющими определениями, снимающими прежде звучащие восторженные интонации: *Не обывательный ль, волшебный / Магический сей*

*мир фонарь.*⁵ Каждым определением в этом ряду Державин активно подчёркивает иллюзорную природу оптического механизма, возможную недостоверность порождённых знаний. В этой части Державин вновь обращается к космическим образам, посредством которых эмоционально акцентирует подмену истины зрелищем, Бога – волхвами и магами. Проецируемая в фонаре Вселенная наделена возможностью хаотичного движения, свершаемого по «обширному» желанию волхва: *В своих намереньях обширный, / Планет круг тайно с высоты / Единым перстом обращает.*⁶

Вольный в своих действиях герой, по своему желанию переключающий изображения, противопоставлен истинному «Зодчему» Вселенной – Богу: *Но Зодчему тому дивиться, / Кто создал столь прекрасный мир?*⁷ Проекции фонаря – это всего лишь результат иллюзии (*мечтами быть, иль зреть мечты*⁸), который должен восприниматься человеком только как картины, визуализированные исключительно в воображении. Контрастным по отношению к космическому пространству, проецируемому волшебным фонарём, выступает небесная твердь, изображение которой утверждает исключительность Бога: *Пускай Тот управляет нами, / Кто движет солнцами, звёздами: / Он знает их и наш конец!*⁹ Державин будто напоминает в своём «Фонаре» слова из Книги Бытия, сказанные по отношению к человеческому уделу («И наполняйте землю, и обладайте ею» (Быт. 1:28)) быть на Земле, а не в космосе. Поэтическим подкреплением этой антиномии служат и обрамляющие каждую проекцию эмоциональные рефрены, основу которых составляют формулы-императивы. Картина открывается фразой с очевидно библейскими коннотациями (*Явись! И бысть*¹⁰) и заканчивается приказом-констатацией (*Исчезнь! Исчезь!*¹¹). В

⁵ Там же.

⁶ Там же.

⁷ Там же. С. 294.

⁸ Там же.

⁹ Там же. С. 295.

¹⁰ Там же. С. 294.

¹¹ Там же.

¹ Державин Г. Р. Стихотворения. Л.: Советский писатель, 1957. С. 295.

² Там же. С. 155.

³ Там же. С. 294.

⁴ Там же.

контексте онтологической доминанты стихотворения формула начала подчёркивает не просто рукотворную природу изображений, но подменённую лжезнанием истину, объясняющую создание Вселенной. Формула конца особенно грозно звучит именно в завершении астрономической зарисовки, служит не просто переходом к новой проекции волшебного фонаря, но и одновременно акцентом, подчёркивающим исчезновение Вселенной по желанию мага-волшебника.

Заключение

Обладая живым воображением и тонким пониманием природы, Державин наделил зримым выражением неизведанный космос. Суть поэтической космологии Державина кроется в стремлении через измерение мироздания всеохватным духовным зрением постичь христианские истины о Божьем величестве, обрести зримое доказательство торжества мира в природе. Посредством созерцания грандиозных картин космоса Державин определил новый путь изображения мироздания через эмоционально-ассоциативный ряд, позволяющий рассматривать его философскую

поэзию в единстве с художественными основами русского романтизма: *ночь – бездна – луна / звезда / планета – свет – река – жизнь – смерть – бессмертие*. Визуальной доминантой космических картин Державина явилась ночь, сакральный смысл которой связан с открытием целостной системы божественного мироустройства. Ночь в философских одах представлена как эфемерная граница, скрывающая суетность земной жизни и открывающая сферически устроенное небо с небесными светилами как символическим воплощением идеального мира, поднятого над повседневностью. Несмотря на использование сверхкрупных планов, цветовых и световых деталей, Державин не эстетизирует космос, а стремится дать очертания его великости, вслед за библейским повествованием изображая происхождение мира. Понимая под космосом созданную из хаоса бездну, Державин относится к созерцанию каждой детали этого пространства как к интуитивной возможности постижения Бога, находя ложность тех научных прорывов, которыми человек стремится уподобить себя Творцу, тем самым разрушая основы мироздания.

ЛИТЕРАТУРА

1. Аношкина-Касаткина В. Н. Русский романтизм. В. А. Жуковский, А. С. Пушкин. М.: Московский государственный областной университет, 2014. 400 с.
2. Западов В. А. Проблема литературного сервизизма и дилетантизма и поэтическая позиция Г. Р. Державина // XVIII век. Сборник 16: Итоги и проблемы изучения русской литературы XVIII века. Л.: Наука, 1989. С. 56–75.
3. Левицкий А. Образ солнца в поэзии Державина // Русская литература. 2012. № 1. С. 55–65.
4. Киселева И. А., Поташова К. А. Истоки и образное воплощение имперского сознания М. Ю. Лермонтова // Проблемы исторической поэтики. 2022. Т. 20. № 3. С. 87–100. DOI: 10.15393/j9.art.2022.11242
5. Данько Е. Я. Изобразительное искусство в поэзии Державина // XVIII век: статьи и материалы. Сборник 2. М.; Л.: Издательство АН СССР, 1940. С. 166–247.
6. Коровин В. Л. «Закрой глаза – и ты увидишь»: стихотворение Г. Р. Державина «Явление» (1810) и “Die Erscheinung” Л. Козегартена // Социальные и гуманитарные науки. Отечественная и зарубежная литература. Серия 7: Литературоведение. 2024. № 2. С. 31–46. DOI: 10.31249/lit/2024.02.02
7. Власов С. В. К проблеме интертекстуальных связей: Державин и Паскаль (оды «Бог», «Христос» и рукописные переводы «Мыслей» Паскаля из архива Державина) // Известия Российской академии наук. Серия литературы и языка. 2020. Т. 79. № 2. С. 66–76. DOI: 10.31857/S241377150009528-3
8. Поташова К. А. Образ тверди небесной в поэтической космологии «Вечеров на хуторе близ Диканьки» // Научный диалог. 2024. Т. 13. № 4. С. 249–268. DOI: 10.24224/2227-1295-2024-13-4-249-268
9. Поташова К. А. Феномен Рафаэля в творчестве А. С. Пушкина и М. Ю. Лермонтова: к проблеме родного и вселенского [Электронный ресурс] // Современные проблемы науки и образования.

2014. № 4. URL: <https://science-education.ru/ru/article/view?id=14154> (дата обращения: 08.11.2024).
10. Пашкуров А. Н. Предромантическая танатология в русской поэзии рубежа XVIII–XIX веков как мировоззрение // *Филологос*. 2023. № 2 (57). С. 39–45. DOI 10.24888/2079-2638-2023-57-2-39-45
 11. Киселева И. А. Онтология стихии в художественном мире М. Ю. Лермонтова // *Вестник Московского государственного областного университета. Серия: Философские науки*. 2011. № 4. С. 74–78.
 12. Есаулов И. А. Ода Г. Р. Державина «Богъ»: новое понимание // *Проблемы исторической поэтики*. 2016. № 14. С. 45–67. DOI: 10.15393/j9.art.2016.3722
 13. Васнев С. И. «Священный ужас» поэта Гавриила Романовича Державина // *Неофилология*. 2024. Т. 10. № 2. С. 378–386. DOI: 10.20310/2587-6953-2024-10-2-378-386

REFERENCES

1. Anoshkina-Kasatkina, V. N. (2014). *Russian Romanticism. V. A. Zhukovsky, A. S. Pushkin*. Moscow: Moscow Region State University Publ. (in Russ.).
2. Zapadov, V. A. (1989). The Problem of Literary Servility and Dilettantism and the Poetic Position of G. R. Derzhavin. In: *The 18th Century. Collection 16: Results and Problems of Studying Russian Literature of the 18th Century*. Leningrad: Nauka Publ., pp. 56–75 (in Russ.).
3. Levitsky, A. (2012). The Image of the Sun in Derzhavin's Poetry. In: *Russian Literature*, 1, 55–65 (in Russ.).
4. Kiseleva, I. A. & Potashova, K. A. (2022). The Origins and Figurative Embodiment of the Mikhail Lermontov's Imperial Consciousness. In: *The Problems of Historical Poetics*, 20 (3), 87–100. DOI: 10.15393/j9.art.2022.11242 (in Russ.).
5. Danko, E. Ya. (1940). Fine Art in Derzhavin's Poetry. In: *The 18th Century: Articles and Materials. Collection 2*. Moscow; Leningrad: Publishing House of the USSR Academy of Sciences, pp. 166–247 (in Russ.).
6. Korovin, V. L. (2024). "Close your eyes and you'll see": the poem by G.R. Derzhavin Apparition (1810) and Die Erscheinung by L. Kosegarten". In: *Social Sciences and Humanities. Domestic and Foreign Literature. Series 7: Literary Studies*, 2, 31–46. DOI: 10.31249/lit/2024.02.02 (in Russ.).
7. Vlasov, S. V. (2020). On the Problem of Intertextual Connections: Derzhavin and Pascal (Odes «God», «Christ» and Handwritten Translations of Pascal's «Pensées» from Derzhavin's Archive). In: *Bulletin of the Russian Academy of Sciences. Series of Literature and Language*, 79 (2), 66–76. DOI: 10.31857/S241377150009528-3 (in Russ.).
8. Potashova, K. A. (2024). The Image of the Firmament in the Poetic Cosmology of "Evenings on a Farm Near Dikanka". In: *Scientific Dialogue*, 2024, 13 (4), 249–268. DOI 10.24224/2227-1295-2024-13-4-249-268 (in Russ.).
9. Potashova, K. A. (2014). Raphael's Phenomenon in tA. S. Pushkin and M. Yu. Lermontov's Works: To the Problem Native and Universal. In: *Modern Problems of Science and Education*, 4. Available at: <https://science-education.ru/ru/article/view?id=14154> (accessed: 08.11.2024) (in Russ.).
10. Pashkurov, A. N. (2023). Pre-Romantic Thanatology in Russian Poetry of the Turn of the 18th–19th Centuries as a Worldview. In: *Filologos*, 2 (57), 39–45. DOI 10.24888/2079-2638-2023-57-2-39-45 (in Russ.).
11. Kiseleva, I. A. (2011). The Ontology of Natural Force in Lermontov's Literary World. In: *Bulletin of Moscow Region State University. Series: Philosophical Sciences*, 4, 74–78 (in Russ.).
12. Esaulov, I. A. (2016). The Ode "God" («Богъ») by G. R. Derzhavin: The New Understanding. In: *Problems of Historical Poetics*, 14, 45–67. DOI: 10.15393/j9.art.2016.3722 (in Russ.).
13. Vasnev, S. I. (2024). "Sacred Horror" of the Poet Gavriil Romanovich Derzhavin. In: *Neophilology*, 10 (2), 378–386. DOI: 10.20310/2587-6953-2024-10-2-378-386 (in Russ.).

ИНФОРМАЦИЯ ОБ АВТОРЕ

Поташова Ксения Алексеевна (г. Москва) – кандидат филологических наук, доцент, доцент кафедры русской и зарубежной литературы Государственного университета просвещения;
e-mail: kseniaslovo@yandex.ru

INFORMATION ABOUT THE AUTHOR

Ksenia A. Potashova (Moscow) – Cand. Sci. (Philological Sciences), Assoc. Prof., Assoc. Prof., Department of Russian and Foreign Literature, Federal State University of Education;
e-mail: kseniaslovo@yandex.ru